

Страсть открывателя

Штрихи к портрету Михаила Ульянова

На разных театральных дорогах мы встречаем много необычного. Я имею в виду не то, что для актера обычное дело — сегодня оказаться в шекспировском Лондоне или в Париже наполеоновских времен, а завтра — в сказочном мире Карло Готти или в истории, которая случилась в Иркутске на Ангаре... Я бы назвал это тайной искусства, тайной актера. Когда-то в Москве, на конгрессе Международного института театра, крупнейший французский режиссер и, я бы добавил, поэт в нашем театральном деле Жан-Луи Барро сказал: «...У правды в театре два лица: одна видима всем, другая — тайна, до которой не так просто дойти, но, раскрывая ее, зритель получает высочайшее эстетическое наслаждение».

Я вспоминаю ныне эти слова как режиссер и, быть может, в силу данной профессии — самый первый зритель, видящий то, что сокрыто от обычных людей, проходящих в театр, — тайну, которую творит в муках, страданиях, сомнениях и в озарении большой артист еще на репетициях, в выгородках или уже на сцене, еще без декораций, костюмов и грима. Ты имеешь возможность как бы прикоснуться к душе актера, как пианист, ведомый трепетным волнением сердца, способный открыть волшебное звучание музыки, согреть своим дыханием клавиши необыкновенного инструмента. Встреча с таким актером — подарок судьбы. И я счастлив, что однажды это случилось со мной, когда много лет назад сначала я увидел Михаила Ульянова и почувствовал в нем неизведанные глубины тайны большого художника, а затем и получил возможность приоткрыть их в нашей совместной работе над «Ричардом III» Шекспира на сцене Театра имени Евг. Вахтангова.

Я давно мечтал о такой работе с Михаилом Ульяновым, с прославленной труппой вахтанговцев. Тут много было разных весомых причин. Во-первых, жажда познания той самой тайны большого актера, о которой я говорил вначале: убежден, Михаил Ульянов — один из выдающихся актеров нашего времени. Во-вторых, это те великие традиции, которые есть в русском и армянском театре в прочтении Шекспира, которые даже умеренные в выражении своих чувств англичан заставляют говорить о нас с высоким уважением.

Для меня постановка «Ричарда III» в Москве была уже пятой по счету. Казалось бы, чего тут волноваться? Но помню, как чуть ли не в первый день мы сели рядом с Михаилом Ульяновым и сразу же договорились, что все в нашей работе будет вновь, что мы будем общаться с ним и словно впервые открывать тайну этой загадочной шекспировской трагедии. Ведь Ричард III — явление исключительное, выламывающееся из обычных человеческих норм. «Создание этого образа», говорил Михаил Александрович, — дело необычайно трудное, мучительное. Надо проникнуть в сложный и противоречивый его характер, надо увидеть, в чем его современность звучания. Все это — вопросы непростые: я думаю об этом все последние дни и ночи...

Когда началась наша работа над спектаклем, я более всего поразились тому, что будто передо мной был не прославленный артист. Репетируя, Ульянов словно все начинал сначала, словно делал первые шаги. Если бы меня спросили, в чем секрет

актерского успеха Ульянова, я бы сказал: «Кроме огромного таланта — в его скромности, неистовом трудолюбии, поражающей энергии и творческой целеустремленности, в неисчерпаемости возможностей, в страсти первооткрывательства. И в высочайшей гражданственности, ответственности за порученное дело». Все дни моей работы с ним были освещены и заполнены радостью подлинного содружества и сотворчества. Редкостным чувством взаимопонимания.

И, наконец, поверьте, что это чрезвычайно важно — именно в труде, испепеляющем, бескомпромиссном, даже яростном, в творческом поиске я обрел настоящего, большого друга. Это и позволило меня сегодня, после труднейших испытаний болезнью, взяться за перо, чтобы написать статью, которую я бы назвал всего лишь скромными штрихами к портрету Друга и Человека, отмечающего ныне свое шестидесятилетие. Пишу еще и потому, что знаю: его обрадуют, нет, не высокие (и заслуженные им) слова в его адрес, а именно тот факт, что старший друг его (я смею так себя назвать, потому что уже несколько лет назад перешагнул его возрастной рубеж) вновь в строю, вновь в работе. И — хочу, чтобы знали читатели «Советской России», — не только благодаря искусству врачей, но и благодаря его дружеской заботе и постоянной поддержке в течение многих сложных и даже драматических моих дней. Тут дело не в старой поговорке: истинные друзья познаются в беде. Здесь дело, скорее, в его высочайших человеческих качествах, в том, что, несмотря на свою гигантскую занятость, загруженность по работе в театре и в Союзе театральных деятелей России, он постоянно находил возможность поддерживать меня, дарить мне часть своей огромной энергии, нежности и любви к жизни. Убежден, что выдающийся актер — это всегда еще и выдающийся человек. Это всегда видно: на сцене или на экране. Вглядитесь еще раз в черты Михаила Ульянова — и вы убедитесь в этом сами.

В памяти многих миллионов людей Михаил Ульянов запечатлен поистине бесценными своими актерскими работами, человеческими открытиями, яростными и вдохновенными. Вспомним его Егора Трубникова в фильме «Председатель», маршала Жукова (начиная с эпизода «Освобождение» и кончая другими картинами), Егора Булычова (в экранизации С. Соловьева), его подвижническое участие уже не только в качестве актера, но и режиссера в картине И. Пыррева «Братья Карамазовы», благодаря которому и вышла лента на экран. Помним мы его работы и во многих современных фильмах — «Битва в пути», «Позови меня в даль светлую» (по Шукшину), «Обратная связь», «Частная жизнь», «Тема»... Да разве все перечислишь! Ведь труд Михаила Ульянова поистине подвижнический — взять хотя бы его творчество на радио: за три десятилетия им сделаны прекрасные, фундаментальные записи — и «Дело Артамоновых» Горького, и шолоховские «Судьба человека» и «Тихий Дон» (64 передачи, примерно 47 часов звучания в эфире, почти два с половиной года работы!), и цикл рассказов В. Шукшина, и поэмы А. Твардовского...

И, наконец, главная его любовь: театр! Сколько здесь совершенно им подлинных от-

крытий — от знаменитых вахтанговских спектаклей «Иркутская история» и «Принцесса Турандот» до ряда собственных постановок.

С именем Михаила Ульянова прочно связано понятие — современный актер. Не только исполнитель ролей наших современников (здесь его особая стихия, в каждой новой работе он неповторим!), современность его в умении чутко слышать и улавливать то, чем живут люди сегодня, что волнует народ. Недаром одной из вершин его творчества стало исполнение роли Владимира Ильича Ленина и в театре, и на телеэкране. Это самый современный образ в его поиске!

Я вижу его часто мягким, заботливым человеком, даже ласковым, несмотря на внешнюю жесткость. Таков он в быту, в кругу друзей. Но вот он как председатель ведет заседание правления Союза театральных деятелей России — и каким непримиримым, требовательным, бескомпромиссным он бывает здесь. С какой болью он говорит о многих наших театральных бедах! Как много труднейших вопросов надо решать, и решать срочно: хватит слов — нужно делом, спектаклями, яркими, талантливыми, подтверждать право вести конструктивную перестройку всего нашего театрального хозяйства. Знаю, как непросто жить ему сегодня, когда коллектив вахтанговцев избрал его художественным руководителем своего театра. В совсем нелегкую годину этого прославленного коллектива...

Но я смотрю с оптимизмом на все это. Ведь у Михаила Ульянова такой характер, главной чертой которого является ярко выраженная социальность. Именно это свойство и сформировало его художественную, гражданскую и нравственную личность, четко определило его творческие интересы и направленность. Скажу честно: не часто можно встретить в мире искусства художника, в котором — и в малом, и в большом — столь определенно был бы выражен момент гражданской оценки, так живо чувствовалась бы глубокая связь с жизнью, с ее движением, перестройкой, стремлением к совершенствованию! И потому я горжусь, что являюсь современником Михаила Ульянова...

...Но почему же я все-таки начал рассказ о моем друге с нашей совместной работы над Шекспиром? Наверное, не только потому, что по старой театральной традиции на шекспировской роли, как на оселке, поверяется особая, я бы сказал, даже всемирная высота таланта актера, тайна его дарования.

Просто вспомнилось мне, как однажды на репетиции он сказал:

— У меня такое ощущение, что я иду, иду, и вдруг передо мной тысяча тропинок. И надо точно выбрать, по какой идти дальше...

Так вот, тогда я ему не ответил, перевел наш разговор на конкретную тему спектакля. А вот теперь, оглядывая весь его путь — и творческий, и человеческий, — хочу сказать: путь, который он себе выбрал, единственно верный. Он ведет к сердцу. Живо, чувствующему, страдающему.

Знаю, путь этот нелегкий. Но ведь не зря народ говорит: дорогу осилит идущий.

Рачия КАПЛАНЯН, народный артист СССР, заместитель председателя правления Союза театральных деятелей СССР.